

Протяженность
похоронной процессии
за гробом
свидетельствует
о вашей социальной
значимости,
имейте в виду. Страница 6

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Всего лишь зеркало...

Роман

Анатолий Николаевич Андреев

Всего лишь зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459525

Минск; 2005

Аннотация

Седьмой роман А. Андреева, главный герой которого, как всегда в романах этого автора, – писатель, гуманитарий-интеллектуал. Внешний, событийный ряд насыщен и в то же время «окутан» тонкой рефлексией героя. Мотив зеркального отражения универсален: искусство подражает жизни, парадоксально перекликаются поступки, мысли, сюжетные ходы, судьбы. Произведение является своеобразным зеркалом по отношению ко всем другим романам А. Андреева, в которых игровое начало, органично связанное с эротическим и интеллектуальным, определяет дух творчества писателя.

Содержание

1	4
2	10
3	13
4	17
5	23
6	27
8	31
9	36
10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Андреев

Всего лишь зеркало...

Роман

1

Ноябрь все никак не мог уговориться: лил и лил блеклый дождь. С какой-то тупой иронией, как будто доказывая кому-то правоту, в которой и сам изрядно сомневался. Сделает краткую паузу – и опять нудно сыплет плотной стеклянной кисеей, успокаивая себя и раздражая других. Ноябрь...

Делать мне было абсолютно нечего, и я не придумал ничего лучше, как с утра включить телевизор, этот никчемный ящик в пластиковом корпусе со стандартным размером по диагонали (средним), набитый информационным хламом. Смотреть телевизор с утра, по моим меркам, – это верх деградации, ниже некуда.

Через час он мне надоел хуже дождя. Сколько изобретательного энтузиазма по поводу ничтожных вещей! Сколько усилий и материальных затрат, чтобы снять нелепый клип или смазливое шоу! Съемка только одной заковыристой погони в идиотском боевике, где мельтешили сотни искореженных машин и горы трупов, облитых кетчупом, требова-

ла от всех участников этого звездного эпизода такого фанатизма и веры, будто интереснее игры в кошки-мышки не может быть ничего на свете, что это окончательно отвратило меня от людей. Я еще могу понять тех недалеких гениев, что расписывали величественные храмы своими несравненными фресками, отдавая жизнь и здоровье во имя чего-то светлого, хотя и несуществующего. Люди забавлялись с размахом. Но кошки-мышки для взрослых людей...

Мелькание, дробление, пыль...

Планы и кадры, будто капли занудного нидерландского дождя, невозможно сосчитать, они сыплются на вас бесконечным мозаическим каскадом, погребая вас под валом пестрого мусора.

Библейское пророчество «суета сует» нашло, наконец, свое достойное и адекватное воплощение в клиповом сознании.

Долгожданная передышка: рекламная пауза. Место раскрошенных и вышибленных мозгов спешат занять слоганы и девизы, виртуально представляющие мегатонны плотно упакованного товара, который надо продать. «Выбери лучшее», «просто сделай это», «стань самим собой», «верь жажде своей, не дай себе засохнуть», «разве я этого не достойна», «образец вашего вкуса», «управляй мечтой»...

Дьявольское мелькание превращается в вакханалию куцых потребностей, мыслей, вкусов, в карнавал этикеток. Все продается, планета, залепленная лейблами, превращается во

Всемирный торговый ларек, а человек – в почтенного потребителя. За вас все решено, расслабьтесь, разве вы этого не достойны? Все к вашим услугам. Сама смерть становится рекламой здорового образа жизни. Где-то на задворках сознания у тебя мелькает мысль, что боевик – это способ продать косметику или новый сорт печенья, а не наивная версия борьбы добра со злом. Кино продано. Тут ты отвлекаешься на рекламу пива, потом тебя прельщают кусочками колбасы, внезапно потоком изобилия посыпались колготки, маечки, лимонад, машины стиральные, джипы...

Продано, продано, продано.

Мир, порезанный в лоскуты, рассыпался в прах...

И единственный способ собрать мир воедино – включить телевизор.

Ты этого достоин.

Лично я предпочитаю всемирный потоп: это более романтично. Жизнь зародилась из воды, пусть водой все и закончится. Да будет так. Вот почему вместо экрана телевизора я тупо уставился в окно. Во-первых, я сделал свой выбор, а во-вторых, это был своего рода протест. Было уже не так скучно.

Вечером, когда отходишь ко сну, всеобщий идиотизм действует как-то успокаивающе, поэтому телевизор не раздражает, а приятно возбуждает; с утра же человеку необходимы иллюзии. Боевик с привкусом чипсов с утра – потерянный день.

К полудню стало заметно темнеть. К четырем часам свет-

ло-серое небо погасло. К пяти город Минск погрузился в сплошную тьму. Дождь не прекращался. Скука сгустилась до кромешных сумерек.

Я вновь включил телевизор, чтобы порадовать себя анекдотами.

Новых, как обычно, не было, из старых запомнился один. Постоянный ведущий ток-шоу, избалованный вниманием почтенной публики актеришко с испитым лицом, вяло балагурил, обозначая паузами места, где следует смеяться.

«Вождь индейского племени, которое жило пчеловодством, при смерти. (Смех.) Он был старым и знал о пчелах все. (Смех.) Соплеменники ждут его прощального и напутственного слова.

Вождь поднял слабую руку, индейцы сосредоточились.

– Все на свете фигня. Кроме пчел, – изрек вождь. (Аудитория захлебывается смехом.)

Племя одобрительно зашумело.

Вождь поднял руку, толпа затихла.

– Впрочем, пчелы тоже фигня, – сказал вождь и умер. (Слабый, с оттенком недоумения, смех в зале.)»

По-моему, публика не поняла сути смешного анекдота; впрочем, он не разогнал мою скуку, а только подчеркнул ее.

Тогда-то мне и принесли эту дурацкую телеграмму: «Алик скончался. Похороны понедельник 14 часов. Ждем непременно. Все».

Возможно, телеграмма была и не дурацкая, возможно, в

ней и был сокрыт какой-то трагический смысл. Но, во-первых, я не знал никакого Алика. У меня вообще нет друзей, близких настолько, чтобы меня могла взволновать их смерть или жизнь, а уж достойных того, чтобы провожать их в последний путь в такую погоду, и подавно. Во-вторых, получить привет ото «всех», которые ждут меня с нетерпением...

Надо знать меня. Я и «все» – несовместимые понятия. Я уже давно живу отдельно от «всех». К тому же адрес «всех» был совершенно конкретен: Ангарская, 17. Кто у нас там? Никого. Сплошной ноль.

Нет, это явно не ко мне. Меня с кем-то перепутали. Не за того приняли. Обойдется Алик без меня, господа. Я ему чужой, как и всем вам. Адью.

Через час я получил вторую телеграмму. «Встретимся на похоронах. Скорблю. Леха Бусел». Адрес отправителя: Игуменский Тракт, 17.

Это другой конец города – по отношению и ко мне, и к Ангарской. Можно посмотреть по интернету план города. Но никакого Лехи, тем паче Бусла, я не знал. Зачем смотреть?

В 19.03 я получил третью телеграмму: «Приходите на похороны и поминки. Мне надо с вами познакомиться. Оля С.»

Адрес отправителя: главпочтамт.

Я включил компьютер, залез в дебри всемирной паутины, где хаоса и суеты в сто раз больше, чем на телеэкране, и минут через десять благополучно выбрался оттуда, зная уже номер телефончика всех тех, кто жил, надеюсь, в добром здра-

вии, на Ангарской 17. Если терпеть не можешь людей, это еще не повод желать им всем гибели.

TV смотреть не хотелось: клипанутый мир по-прежнему летел вверх тормашками. Это зрелище меня не радовало. Читать не хотелось тем более. Все стоящее или давно написано или еще не написано. Написанное давно – давно прочитано. И мир от этого не поменялся. А то, что не написано...

В общем, это тоже не ко мне.

И я решил потратить время на то, чтобы разочаровать «всех»: я сообщу им, что не приду завтра к 14 часам. И вообще не приду к ним. Причина?

Видите ли, я не был знаком с покойником. А хоронить чужих мне людей...

Я не большой любитель панихид вообще, а не имеющих ко мне никакого отношения – в особенности.

Мне и собственные, боюсь, будут в тягость.

– Алло! – приветствовал меня очаровательный женский голос, чересчур жизнерадостный для той, которая собралась хоронить Алика.

– Добрый вечер, – сказал я и тут же вежливо закашлялся, вспомнив, что вечер на Ангарской 17 не мог быть добрым, по крайней мере, если верить телеграммам, никак не должен был быть.

– Добрый, – между тем ответили мне, забыв стереть (готов поклясться в этом!) улыбку с румяных уст.

– Меня зовут...

Тут я назвал свою фамилию, имя и адрес, по которому я получил телеграмму, отправленную с Ангарской 17, из квартиры, куда я, собственно, звоню.

– Так-так, – сказала милая дама (почему-то захотелось считать ее милой), находившаяся на другом конце города. – И что вам угодно?

– Алик умер? – спросил я совершенно по-свойски.

– К сожалению, – жизнерадостно воскликнула дама. – Вам, наверно, нужна Света. Света!

На том конце провода последовало краткое объяснение.

– Я слушаю, – сказал ровный, несколько чинный голос, впрочем, свежий и женственный. Я люблю угадывать людей по голосам. Между прочим, это нелегко. Иногда за басом

скрывается дохленький доцент, а за роскошным альтом – невзрачная соседка. Голоса обманчивы.

Я повторил то, что минуту назад сообщил жизнерадостной дамочке.

– Так-так, – сказал голос. – Вы придете?

– Нет, не приду. Произошла ошибка...

Тут я изложил второй даме (тоже, скорее всего, милой) то, что читателю уже хорошо известно.

– Так-так. Вы хотите сказать, что совсем не знали Алика?

– Я не только хочу это сказать; я на этом настаиваю.

– Позвольте, как же так? Он считал вас другом, лучшим своим другом. Он каждый день о вас рассказывал. Вы же встречались с ним ежедневно!

– Я?! С Аликом?! Помилуйте, здесь какая-то ошибка. Уверяю вас, я его не знал вообще и ничего не слышал о нем до сегодняшнего, возможно, печального для него дня.

– Что же я скажу его друзьям? Все соберутся. Они хотят увидеть вас. Все считают вас его лучшим другом.

– Это недоразумение. Вероятно, речь шла о другом человеке, не обо мне. Если угодно, я сожалею, но ничем не могу помочь. Я не был его другом, и это уже не исправить.

Она еще раз без запинки назвала мое имя-отчество, упомянула два-три моих романа, не столь уж, кстати, популярных среди неискушенной в изящной словесности публики. Я был широко известен в узких кругах. И это меня устраивало.

– Романы-то мои. Но я не знал никакого Алика, – уже не

слишком уверенно сказал я. Перспектива хоронить Алика, моего лучшего друга, о котором я ничего не знал, меня явно не прельщала.

С другой стороны, опять сидеть целый день под дождем, у телевизора...

– Может быть, вы все-таки придете? Он оставил для вас большой запечатанный конверт.

– Прочитайте, пожалуйста, адрес и имя получателя, написанные на конверте. Медленно и внятно.

Она идеально исполнила мою просьбу. Выходило, что лучшим другом Алика был я.

– Спасибо, Светлана. Я приду, – неожиданно для самого себя сказал я. – Кстати, будет ли там Оля?

В трубке напряженно затихли. Мне это определенно понравилось. Назревала хоть какая-то интрига. Давненько в моей жизни не было интриги.

– Ладно. Неважно. Я приду. Оле ничего не говорите.

Зачем я произнес последнюю, бессмысленную во всех отношениях фразу, я и сам не знал.

Боюсь, своим поведением я разочаровал бы друга.

Похороны Алика стали для меня рождением очаровательной загадки, так мило раскрасившей мою унылую жизнь. Так часто бывает, по моим наблюдениям: гибель одного порождает что-то другое. Интересно, что родится в результате гибели нашего мира?

Безостановочный цикл или круговорот иногда служили для меня источником не очень-то уж и нужного мне оптимизма. Я даже по-своему благодарен был Алику; особенно трогало меня то обстоятельство, что сначала он умер, а потом объявился в качестве моего друга. Вряд ли у нас получилось бы наоборот. Извини, дружище, за откровенность. Я не вру даже ради себя; с какой стати мне брать грех на душу ради друга?

Дождь уныло, с гнусной принципиальностью хлестал даже на похоронах.

На свадьбе, я слышал, дождь – хорошая примета: к богатству, к изобилию. Вода и жизнь совмещаются неплохо: жизнь ведь когда-то зародилась из воды, я слышал. Скорее всего, из чьих-нибудь слез. На свадьбе люди, как правило, еще на что-то надеются, и приметы там весьма кстати.

На похоронах же, по-моему, просто нелепо рассматривать дождь в качестве приметы. «Хорошая» или «плохая» примета для покойника, для того, кого не стало: это ведь нонсенс,

если предположить, что все скорбящие в здравом уме. Дождь просто мешает еще живым, портя им и без того сомнительное удовольствие от прощания с безвременно усопшим.

(По моим наблюдениям, люди чаще всего отходят в мир иной безвременно; мне кажется, бессознательно все ориентируются на цифру 100; если меньше ста – значит, безвременно. Измерять жизнь покойника делами его как-то не приходит в голову скорбящих. «Безвременно» становится дежурной отговорочкой: дескать, если бы дожил до ста – то-то бы наворочал дел; а так – просто не успел. А если человек дожил до ста лет, главной его заслугой, что бы он там ни сделал, провозглашается именно это. Долгожительство рассматривается как подвиг, но покойника перестают жалеть. Считается, что он давно умер. Безвременно скончался.)

Единственный, кому было наплевать на дождь, мог бы быть сам виновник торжества; однако о нем и этого не скажешь. Чтобы наплевать, надо быть живым. Безразличие – это реакция временно оставшихся в живых друзей.

А может быть, дождь на похоронах – это ко всемирному потопу?

Стоило бы проверить эту примету, если, конечно, жить ради этого пришлось бы не слишком много. Да, жить...

Алика же, повторю в сотый раз, не стало. И по этому пустому, пустяковому, опустошающему поводу, по поводу исчезновения в пустоту, собралась приличная толпа людей. Протяженность похоронной процессии за гробом свидетель-

ствуует о вашей социальной значимости, имейте в виду. А интенсивность всхлипываний – это индекс печали. Чем длиннее и извилистее толпа, чем больше в руках носовых платков всевозможных расцветок – тем безвременнее кончина.

Я порадовался за Алика. Мне стало где-то даже лестно, что я был его другом. Совершенно растроганный, я дал Алику прозвище Zero. Другьям ведь всегда дают прозвища, я слышал. Алик Zero: по-моему, неплохо. Во всяком случае, для меня, еще неопытного в дружбе.

Кто-то в толпе провозгласил дрожащим, рыхлым от слез, но громким голосом, что дождь – это не просто так; это природа скорбит вместе с нами. Какой-то надтреснувший и отсыревший голос поддержал его. У людей, я понял, ничего не бывает просто так. Интересно, что такого совершил мой друг Zero, чтобы так растрогать природу?

Свою версию о всемирном потопе я решил пока не оглашать.

В руках у меня были две бордовые гвоздики, которые от дождя (который лично мне мешал) и от того, что их всего две, стали вдруг жалкими. Огромные стебли также делали их жалкими, похожими на крепких, но угловатых подростков, которые любят темными вечерами сидеть на скамейках возле подъездов и орать, не попадая в тональность (хотя какая может быть тональность на расстроенной гитаре, то есть куске фанеры, чем-то напоминающем два склеенных пузыря?), нечто вроде песен (я бы назвал их угловатыми зонга-

ми), чтобы обратить на себя внимание таких же угловатых барышень. Зонги, разумеется, бессмысленные, клиповые. В сущности, подростки уподобляются котам. Кстати, о котях...

Нет, боюсь, коты и похороны – это вещи разные настолько, что мне их не объединить. О котях как-нибудь в следующий раз. Дождь, зонты, отсыревшие голоса, подростки – все это причудливым образом сливалось в кошачью тему. Но приличия не позволяют. В следующий раз. Да...

У меня был небольшой опыт расставания с близкими мне людьми, но и он убедил меня, что не стоит ждать от себя слез. Лучше честно запахнуть темно-синий плащ поплотнее, поправить освежающий мой облик теплый шарф в клеточку и ниже опустить огромный купол черного великолепного зонта, неизменного моего спутника в долгих прогулках по осенним бульварам.

Да, да, я не всегда бывал недоволен дождем. Он нравился мне уже за то, что разгонял праздные толпы по домам, поближе к TV ящикам. Словно осерчавший Верховный Пожарный, водяными пушками гнал их в коробки квартир, к коробкам телевизоров или компьютеров; люди напоминали стаи серых крыс с мокрой шерсткой, ринувшихся на приманку в виде мелко нарезанной духовной крошечки. Много ли им надо, крысам?

Вроде бы, нет.

Но они пожирают все.

На этот раз одиночество мое длилось недолго. Рядом со мной, в линию, носик к носику, остановились изящные осенние сапоги отличной рыжей кожи, и женственный голос произнес мою фамилию, словно пароль. Я поднял зонт и предложил свою руку.

Меня обволокло густым ароматом умеренно легкомысленных духов, особенно обжигающим в сырую погоду, – ароматом, возможно, излишне сильным для такого неспраздничного случая, но в самый раз для меня. Мне пришло в голову, что мой бессмысленный визит может стать и не таким уж напрасным. Я как-то упустил из виду то обстоятельство, что и на похоронах присутствуют симпатичные женщины. Присутствуют, конечно, со всей силой своего обаяния, особенно когда уходят из жизни их дорогие мужья. Кокетливо скорбеть – особое искусство, а роль вдовы – всегда на виду. Кстати, о вдовах и об их бенефисах...

Нет, боюсь, и это тоже некстати. О вдовах и котах поговорим в нужное время в нужном месте. Между прочим, в этом и заключается искусство романа: нужная краска в нужное время в нужном месте.

Кроме того, это формула удачи, в известной степени – счастья.

А также жизни.

И смерти.

Чтобы происходящее не выглядело так двусмысленно – на похоронах нескромно глазеть на хорошенькую незнакомку, возможно, вдову, – я сначала опишу покойника, к ногам которого я с видимым почтением опустил жалкие гвоздики.

Покойник мне понравился. Глаза, зеркало души, были закрыты, разумеется, но и на лице его можно было разглядеть и прочитать немало любопытного. Высокий лоб, умное выражение лица (зачем оно покойнику?), пленяющее чем-то значительным или из ряда вон выходящим, сразу не скажешь. Мне польстило, что это человек читал мои романы. Пожалуй, таким и представлялся мне идеальный читатель.

Прощай, друг, вот мы и встретились.

Теперь обратимся к даме, безо всякого стеснения, как у себя на тахте, расположившейся у меня под зонтом. И не считайте, Бога ради, что я уделил своему усопшему другу, лежащему в обрамлении гвоздик, белых, красных и пестрых, мало внимания. Во-первых, при жизни мы общались еще меньше. А во-вторых, многим из ныне живущих моих приятелей я не уделяю и половины внимания, доставшегося Алику Zero.

Итак, она звалась...

– Светлана, не так ли?

С таким вопросом обратился я к незнакомке, стараясь не поддаваться чарам духов, уклоняться от них, что на расстоянии, сближающем людей, было совсем не просто.

– Совершенно верно.

– У меня хорошая память на голоса, лица и еще, пожалуй, на дурацкие идеи. Да, и на приличные духи. Ваши духи я не забуду никогда.

– А на что же плохая?

Если правильно вести разговор, то женщина непременно задаст вам тот вопрос, который вы и хотите услышать; при этом ей самой ее вопрос покажется очень неожиданным и оригинальным. Ставлящим мужчину если не в тупик, то в положение весьма щекотливое. А что может быть для женщины более приятным, нежели поставить мужчину в щекотливое положение? С умным собеседником женщина всегда довольна сама собой.

– Плохая? На печальный любовный опыт, например. Как-то быстро забывается. На гнусную погоду...

– А счастливый любовный опыт вы помните?

– Да, но это не делает честь моей памяти. Это было один раз. Давно. Это и опытом-то назвать сложно: он мне так и не пригодился.

– Вы не верите в любовь?

Похороны определенно начинали мне нравиться. Вовремя умереть – тоже, знаете ли, большое искусство.

– Верю, конечно. Я не верю в то, что мне это поможет...

Если вы сказали, что верите в любовь, дальше можете говорить все что угодно: женщина не обратит на это никакого внимания. Но если вы признались, что не верите в любовь,

разговор теряет смысл.

– Вы чем-то удивительно напоминаете Алика. Вы его действительно не знали?

– Алика Zero? Действительно не знал.

– Как вы сказали? Козерог? Откуда вы об этом знаете?

– О чем именно, Светлана? Я столько всего знаю...

– О Козероге. Алик так называл сам себя. Козерог – была, так сказать, его подпольная кличка, о которой мало кто знал. Но вот вы – знали о ней, вы были его другом. А теперь за чем-то отрицаете, что были. Это не очень порядочно, чтобы не сказать, что сильно напоминает предательство.

– Мне очень жаль, но я его не знал.

– Вот и Алик, бывало, отрицал очевидное. Упрется, как козерог, и ничем его не прошибешь. Говорю вам: вы с ним страшно похожи.

– Виноват, я еще жив в отличие от Алика Zero. Я даже чувствую, что мне зябко и мокро, несмотря на теплоту вашего тела...

Искусно сменить тему – значит, сделать женщине комплимент; комплимент же – это процентов на 80 внимание, оказанное женскому телу. Вот тут менять тему не рекомендую. Невнятный комплимент – это гораздо хуже, чем не доведенная до конца любовная игра, чем даже неоконченный роман.

Она не отстранилась; напротив, едва уловимо прильнула ко мне. Все приключения на свете начинаются с интереса женщины к мужчине. Да здравствуют похороны!

– Что вы сказали о моем теле?

– Я сказал, что оно теплое, и не успел сказать о...

– Окажите мне одну услугу, – перебила меня дама, демонстрируя скромность, так украшающую всякую броскую женщину, особенно вдову. А на похоронах каждая вторая женщина выглядит как вдова.

Ее голос обнажал и тут же попытался скрыть симпатию ко мне. Какая тонкая игра!

– Одну я уже оказал.

– Я это оценила. Вы пришли сюда. Спасибо.

Я кивнул, собрав воедино все свои светские навыки и упустив из виду, что она едва ли увидит мой сдержанный кивок, будучи на полголовы ниже меня. Обожаю, когда женщина ниже на полголовы, младше на много лет и при этом ставит тебя в щекотливое положение. Собственно, это и есть сбывающаяся мечта.

– Окажите еще одну. Или две услуги в один день для вас непосильное благодеяние?

– Вы будете моей должницей. Две услуги подряд – это мой рекорд.

– С удовольствием буду вашей должницей.

Она сказала «с удовольствием». На мой нынешний вкус – чересчур откровенно. Я с удовольствием сделал вид, что не обратил на это внимания.

– О какой услуге на сей раз идет речь?

Мы подошли к автобусу (ах, все хорошее когда-нибудь

кончается), который должен был везти собравшихся на кладбище.

– Обещайте, что для всех его друзей, пришедших сюда, вы будете тем самым загадочным другом Алика.

– Могу я спросить: зачем?

– Можете, конечно. Но лучше не спрашивайте.

– Это будет уже третья услуга. Таким безвольным я не был со времен моей счастливой любви.

Моя леди выскользнула из-под укрытия и растворилась в траурной толпе, отливавшей мокрым блеском черных тугих зонтов.

Нет, на этот раз описать ее мне не удастся. Я ее толком даже не разглядел. Правда, в памяти сохранилось так любимое мною длинное платье, скрывающее все, кроме самого главного (прямолинейные мужчины называют это «подчеркнуть достоинства»; решительно с ними не согласен; считаю, что в подобных случаях уместнее говорить о таинственном исчезновении недостатков), да еще мое беглое, но категорически благосклонное впечатление.

Но кого интересуют впечатления случайно попавшего на похороны человека, которые случайно оказались похоронами его лучшего друга?

Опишу Светлану в следующий раз, в обстоятельствах более подходящих столь несуетливому занятию.

Она этого достойна.

Начало поминального застолья приятно удивило изобилием и качеством блюд.

Напрашивался вопрос: если покойник и сам был не чужд всего этого, бренного, то зачем было так скоропостижно зарываться в гвоздики?

Впрочем, вопросов было много; но об одних не хотелось думать за столом, сервированным до неприличия прилично, а другие задать было просто некому, ибо Светлана предусмотрительно поместила меня в оболочку из тел, составлявших костяк какой-то полуродственной бригады, которая оказалась по разные концы стола с друзьями. Собственно, изолировала меня с неизвестно какой целью. Я, друг, оказался среди родственников. Мною играли и открыто манипулировали. Это вызвало у меня чувство протеста. Я не стану описывать Светлану сейчас, хотя еще мгновение назад собирался это сделать не без удовольствия. Иногда я люблю позволить себе невинную месть.

Мой сосед справа, не обращавший на меня никакого внимания, пожилой бодрячок-добрячок, заляпанный серебрястой эспаньолкой, которую хотелось просто стереть с его холеного лица накрахмаленной салфеткой, нацелился было на фаршированную рыбу, соблазнительно развалившуюся всего в двух локтях от него, как вдруг, различив внятный толь-

ко ему повелительный женский призыв, съежился и суетливо выпорхнул из-за стола. Его место немедленно и, судя по взглядам, нарушая всякую субординацию, заняла девушка, чем-то похожая на его дочь. Резвая и молодая. На ее грудь нельзя было не обратить внимания. Вы бы сначала посмотрели на ее грудь, и только потом – на лицо: оно было второстепенным. Но рано или поздно вы бы все равно обратили внимание на лицо: его черты были милыми и как бы слегка бесформенными, как у всякой пышноватой блондинки. Размытый носик, пухленькие губки, светлые глаза. Одно слово: блондинка.

Ах, да, локоны льняные, чуть не забыл про локоны.

Между тем печальным колоколом прозвучал первый тост. Я пригубил рюмку и взял в руки прибор: обилие острых закусок, маринадов и разносолов делало простую операцию – заесть что-нибудь под водочку – приятной проблемой. Едва я успел сделать мстительный по отношению к бодрячку выпад, а именно: огрести себе на тарелку приличный кусок фаршированной рыбы, как надо мной раздался милый гром среди ясного неба. Голос был грудным, прошу заметить:

– Что вы ненавидите больше всего на свете?

Вопрос поставил меня в тупик. Я опешил и со стуком опустил вилку на край большого фарфорового блюда. Все вокруг дружно жевали, блюда при этом содержательную тишину. Непосвященный мог подумать, что все готовились к переживаниям или отходили от них. Я покосился на грудь.

– К сожалению, я не испытываю ненависти ни к чему на свете. Даже к любви.

– Вам на все наплевать?

– Нет, к сожалению. На все наплевать – это единственная привилегия покойника. Есть вещи, которые я терпеть не могу, но так, чтобы относиться с ненавистью... По-моему, это по-детски. Кстати, дети меня утомляют. Я их с трудом выношу.

– Понятно. В вас течет жидкая кровь. Чтобы ненавидеть, надо быть бешеным. Надо, чтобы кровь кипела.

– Пожалуй. Но сначала надо быть глупым.

– Вам не понять. Я вот ненавижу всех, здесь сидящих. Это приличные люди.

Я пожал плечом и превратился в одного из всех: аккуратно отрезал кусок чудной отбивной, прожаренной и сочной, и отправил в рот, сдобрив изрядной порцией веселенького кетчупа. Я намерен был жевать это минимум минуты три, до тех пор, пока обо мне забудут и от меня отстанут.

– Хотите, я расскажу вам историю, связанную с Аликом?

Я кивнул (после паузы). Пожалуй, огненного кетчупа я перебрал. А история об Алике – нужна ли она мне?

Я бы предпочел, чтобы он остался в моей памяти грустным и загадочным эмоциональным пятном. С другой стороны, девушка с бюстом ведь расскажет мне историю не об Алике, а о себе. Зачем, как вы думаете?

Затем, чтобы понравиться. Уважающие себя дамы по дру-

тому поводу и пальцем не шевельнут. Я еще в жизни не видел дев, которые раскрывали бы свой милый ротик перед сидящим напротив мужчиной с какой-то иной целью. И я был не прочь дать ей шанс.

В каком-то смысле я был заинтригован историей об Алике.

В этот момент подоспел очередной поминальный тост. Моя соседка поднялась, оправила платье, подчеркивая и без того привлекательную грудь, и решительно представила себе слово.

– Меня зовут Оля. Я была последней гражданской женой Алика.

Повисло долгое гробовое молчание, неприличное даже за поминальным столом; оно было явно направлено против Оли. При этом, казалось, неловкость испытывали все, кроме Оли.

– У меня из головы не выходит один случай. Я вам сейчас его расскажу. Он простой, пустяковый, но тем, кто знал и любил Алика, случай этот скажет о многом.

Тишина изменила свой характер. Жанр воспоминаний за таким столом всегда к месту. Главное сейчас, чтобы воспоминания были, так сказать, правильными, уместными.

– Как-то раз мы поехали с ним по делам, на его машине. В городе с парковкой сложно, все забито, особенно в центре. «Машины скоро съедят нас»: это была любимая поговорка Алика. Мы подкатили к офису, собирались уже заворачивать на парковочную площадку, но путь нам преградила брошенная посреди дороги дорогая иномарка. Не «Мерседес», что-то покруче и позакрывистее. Кажется, «Лексус».

Внедорожник. Джип, как мы его называем. Сначала мы даже не поняли в чем дело. Машина была буквально брошена, небрежно забыта или поставлена так специально. Либо случилось чрезвычайное что-то, либо... В любом случае что-то чрезвычайное.

Ни проехать, ни выехать, и хозяина нигде не видно. Вполне можно было поставить машину в сторону и не создавать проблем другим. Но мало ли что могло случиться, вот мы сидели и ждали. Сзади уже собралась очередь, кто-то нервно сигналил.

Вдруг я смотрю – Алик изменился в лице, словно увидел что-то страшное. Позеленел. Проследила за его взглядом – и вижу картину: в скверике, неподалеку от нас, ходит и собирает опавшие листья кленов очаровательная семейка: он, она и маленькая их дочурка. Листья крепкие, желто-красные, словно глянцевые, были зажаты в руке малышки радостным букетом. Как-то сразу стало ясно, что машина намеренно поставлена посреди дороги. А причина – чрезвычайная наглость и патологический эгоизм.

Я понимаю еще наглость, так сказать, королевского происхождения, этакую царскую близорукость: он не хотел никого обидеть, он просто не привык замечать проблем других. Но тут была рассчитанная, спланированная наглость, наглость раба, лакея, позавчера только выбившегося в люди.

А наглость зарвавшегося лакея – это нечто в высшей степени гнусное. Низкая и подленькая душонка сотворит из ни-

чего что-нибудь изумительное паскудное. Этот родной нам способ самоутверждения... Заставить всех ждать просто потому, что тебе, якобы, пришла охота потоптать листики. Свой каприз поставить выше всего прочего – для того только, чтобы все увидели, как роскошно ты можешь позволить себе покапризничать. Чувство достоинства понять как безнаказанную возможность унижить всех... Господа лакеи... Они всегда поймут друг друга. По лакейским правилам он был прав: сила ведь на его стороне. Поэтому никто даже внятно не возмутился. Скорее, все любовались, потому что завидовали.

Алик вышел из машины с трясущимися губами, бледным лицом и молча подошел к дорогой машине дешевого пижона. Тот изобразил бег на месте: дескать, спешу и падаю, чтобы уступить вам дорогу, ваше сиятельство. Потом действительно перешел на рысь и, подбегая, поднял руки вверх. Это он так извинялся. Алик что-то сказал ему. Тот, не поднимая глаз, запихал своих девушек в кожаный салон и резко газанул в сторону. Букет из листиков мусором рассыпался на дороге.

Алик припарковал свою машину вплотную к «Лексусу», заблокировав его выезд, и мы пошли по делам. Когда мы вернулись, возле джипа мельтешили люди в милицейской форме. Нашей машины не было. У Алика отобрали права. На него обрушилась куча неприятностей.

Но дело не в водительских правах, разумеется. Ему в очередной раз показали: в этом мире тебе не позволят сохра-

нить достоинство. Все начальники – лакеи, а все лакеи хотят быть начальниками. Тебе навяжут сражение по любому пустяку все эти «приличные люди», и ты проиграешь. Выиграть у них можно тогда, когда ты станешь одним из них, потому что правила игры сделаны по лакейскому кодексу. Алик проиграл. Хотя, по-моему, он выиграл, потому что не стал одним из них.

Оля помолчала несколько секунд, обозначая окончание речи, и после этого выпила.

По-моему, кроме меня, ее никто не поддержал.

– Вот в ком кипела кровь, – сказал я. – Любое сравнение с Аликом будет не в мою пользу, Не сравнивайте меня с ним, пожалуйста. Пощадите мое достоинство. Хотя, говорят, в постели я вовсе не плох. Многие верные мужья, по слухам, мне уступали.

Оля даже бровью не повела. Но когда все с преувеличенным вниманием слушали очередного оратора, ее рука оказалась на моей ширинке. Мне пришлось накрыть ее белоснежной полотняной салфеткой. Кажется, я не разочаровал соседку. Мне было чем ответить на вызов, брошенный ее грудью.

Это маленькое происшествие слегка сгладило неприятное впечатление от прощания с моим достойным другом.

Вскоре Оля ушла, оставив на бумажной салфетке номер своего телефона.

Я спрятал его в карман и стал искать глазами Светлану. Ее нигде не было.

Между тем стол начал оживленно гудеть: поминки близились к кульминации. Живые позволяли себе быть живыми все больше и больше. Даже я с тоской взглядывал на свою полотняную салфетку, забыто-заброшенно свернувшуюся у меня на брюках.

Мое наслаждение двусмысленной ситуацией было прервано с большим тактом. Ко мне подошла Светлана, положила руку на плечо (а я, разумеется, вцепился в салфетку), и дождалась, чтобы приличный шумок стих. Все смотрели на нас.

Она негромко, однако же веско, на правах старой знакомой, представила меня как сокровенного друга усопшего, который (я, а не усопший), к сожалению, в силу целого ряда причин и обстоятельств (она со знанием дела напустила туману) не знаком с присутствующими здесь искренними друзьями Алика. Конечно, рано или поздно господин N., то есть я, был бы представлен; получилось, что поздно. Однако лучше поздно, чем никогда. Память друзей – вот лучший памятник Алику. Итак...

Я солидно плеснул себе в рюмку, медленно поднялся, сделавшись центром внимания. Светлана стояла рядом со мной. Я не должен был подвести своего друга (в своих же собственных интересах).

– Мне трудно говорить, – начал я.

И я не врал. Мне действительно трудно было говорить: неизвестно с кем и неизвестно о чем. Вдохновляло разве лишь то, что четвертая подряд услуга Светлане могла дорого обойтись ей: это обстоятельство позволяло мне комфортно чувствовать себя в качестве кредитора, эдакого наглого молодчика в черных очках, уверенного в своем праве казнить или миловать должника, или даже распоряжаться его, в данном случае, ее, жизнью.

– В одном моем романе, – начал я, отчаянно цепляясь за смутную мысль, – есть такой эпизод...

И я, импровизируя, рассказал всем присутствующим эпизод, перевернув, как потом выяснилось, добрую половину. Что ж: я не обязан помнить то, что когда-то родилось в моем воображении, – вспыхнуло, расцвело и погасло. Что-то из вспыхнувшего удалось зафиксировать, в результате появился роман; а что-то зафиксировать не удалось, и оно бесследно исчезло. (А что-то, робко признаюсь, мне приходится вычеркивать: мое ощущение и понимание свободы может шокировать читателей.) Мне всегда жаль вот этих эфемерно улетучивающихся картин, которые кажутся мне лучшим из того, что я мог бы написать.

Так случилось и в этот раз: я что-то выдумал, а они плакали. Героем эпизода был главный персонаж романа, благородно спасший пегую собаку, рискуя собственной жизнью. Мне показалось, что Алик вполне был способен на такую глупость. Правда, следующий за этим эпизод, в котором мой герой честно обвинил себя в лжегеройстве и выгнал несчастного пса на улицу, я от публики утаил: для того, чтобы сделать из человека героя, надо обходиться полуправдой. Из правды не только героя, даже сколько-нибудь приличного человека вылепить не удастся, уж не знаю почему. Правда и герой – загадочно не совмещаются.

Алик предстал в моем спиче трогательным любителем жизни, которого, разумеется, трудно представить себе ушедшим из этой самой дорогой для него жизни. Мне кажется, они едва сдерживали аплодисменты: на их глазах искусство счастливо слилось с выдуманной жизнью, что, по их понятиям, и является целью и критерием всякого благородного искусства, а по моим – происходить не должно, ибо слияние искусства с невыдуманной жизнью ведет к превращению жизни в искусство – ведет к тяжелой работе, неожиданным смыслом которой является смерть. Для них высокое искусство несовместимо с правдой (высокое – значит оторванное от земли и приближенное к мечте); для меня – великое искусство замешано на правде, и высокое оно потому, что им, сидящим за этим столом, до него не дотянуться.

Итак, я нарисовал образ человека, который настолько лю-

бил и ценил жизнь, что ему неловко было думать о своей жизни, когда опасности подвергалась жизнь чужая – человеческая или собачья, неважно. Такое качество человека называется благородство, и его особенно приятно оплакивать, потому что в жизни его не бывает. Только в высоком искусстве. А если бывает – тем более. Нет ничего приятнее и возвышеннее, чем хоронить героев. Очищает и просветляет душу.

– Из какого романа это эпизод? – заплаканным голосом спросила жена бодрячка, украшенного по недоразумению не рогами, а серебристой эспаньолкой.

– Роман называется «Женщина, которая любила ночь», мадам.

По залу прокатился сдержанный вздох, грозящий превратить поминальную вечерю в читательскую конференцию. Умерший и выдуманный герои стали уже сливаться в одно целое.

Светлана, приложив розовый платок к глазам, свежо орошенным подлинными слезами, вновь добилась тишины лишь тем, что встала (я, разумеется, сел).

Этому мероприятию, которому не доставало искренности и горя, но где было много слез и светлой печали, вновь было указано должное направление. Кто-то заговорил угодливым тенорком (это был бодрячок в эспаньолке, дядя безвременно отошедшего, – дядя самых честных правил, само собой), многие достали уже помятые платки. Все это начало смахи-

вать на турнир: кто разжалобит публику больше, чем я.

Быть же хотя бы отчасти виновником торжества вовсе не входило в мои планы.

Перспектива лицом к лицу встретиться с друзьями Алика Zero, среди которых должен находиться скорбящий Леха Бусел, меня не прельщала настолько, что я позволил себе отвлечь внимание Светланы от речи убитого горем оратора-дилетанта, или, лучше сказать, привлечь ее внимание к себе.

– Я оказал вам четвертую услугу, которую по моим меркам я расцениваю как подвиг, – скромно сообщил я.

Она повернула ко мне лицо со скуными следами макияжа, прикрыв его платком так, что со стороны могло показаться, что слушает она не меня, а говорящую эспаньолку.

– Чего вы хотите? – спросила она совершенно невыразительным голосом, как нельзя кстати соответствующего выразительности вопроса.

– Даже если за каждую оказанную услугу я назначу один поцелуй, нам понадобится полночи, чтобы расквитаться.

– Что ж, вы вправе этого требовать, – сказала она, прислушиваясь, якобы, к эспаньолке, которая пустилась в воспоминания. Прощаться с человеком, который когда-то был ребенком, вдвойне трогательно. Я недооценил способностей оратора. – Но вы ведь не знаете, кто я такая.

Я понял, что меня хотят смутить и огорошить. От меня требовалось, очевидно, быть смущенным – хотя бы приличия ради.

– Кто же вы? – спросил я не без любопытства, успев заметить, что среди колец на ее пальцах отсутствует обручальное – то самое, которое делает женщину неприступной в собственных глазах, но очень, очень привлекательной.

– Я его бывшая жена, – сказала Светлана, подготовив ответ глубокой паузой.

– Предпоследняя гражданская? – уточнил я.

– Это спорный вопрос, – лукаво просияли глаза. – Будете настаивать на поцелуях?

– О, донна Светлана, я не смею. Я не должен. Но, боюсь, я не в силах противиться искушению.

Церемониальные условности вновь отвлекли от меня жёну моего загадочного друга (воспоминания дядюшки иссякли в самый неподходящий момент; дядюшкам, по моему разумению, надо чаще и больше общаться с племенниками, тогда будет что вспомнить в нужное время в нужном месте), которая жёстами распорядилась о чем-то.

– Вы нахал, – сказала внимательная вдова.

– Не то слово, – трагически сознался я.

– Вы уже знаете, отчего умер Алик?

– Я полагаю, что он умер естественной и ненасильственной смертью, чего и нам желаю, – выразил я убежденную веру в порядок вещей и в некоторую склонность к гуманизму близких усопшего.

– Конечно, естественной. Он совершил самоубийство. Только вот зачем он это сделал? – загадка. Кстати, офици-

альная версия – сердечная недостаточность. Вы меня понимаете?

– Не уверен, что во всем.

– Он умер от сердечной недостаточности. У него было слабое сердце. Он не был таким бессердечным, как вы. Понимаете? Про самоубийство я вам ничего не говорила.

– Понимаю. Прошу прощения за то, что некстати влез со своими поцелуями.

– А вот это зря. Извинения не принимаются. Немного некстати, конечно, но по существу. Я на вас не сержусь. Напротив.

– А я вот собой недоволен. Скажите... А как именно совершил он, гм-гм, само-убийство?

– Я же сказала: у него было слабое сердце.

Гнусный ответ в моем стиле. За такой ответ иногда хочется убить.

И я, самым бескорыстным образом не интересуясь завещанным мне пакетом, по-английски покинул вечерю, все больше напоминавшую русскую вечеринку, по-татарски при этом хлопнув дверью.

Что вы хотите: я действительно был недоволен собой.

Следующий день выдался редким для ноября – ясным, с низко висящим ярким солнцем, днем, который быстро закончился холодным закатом теплого цвета. Осталась узкая оранжево-лимонная полоса, переходящая в нежный аквамариновый, далее, в широкий голубой след, который сливался с безграничной тревожной синью. Небо, как и все на свете, состояло из оттенков. Кроме того, небо, состоявшее из лоскутов, тяготело к гармонии. Телевидению не хватает неба. Почему оно так редко попадает на голубой экран?

Когда отсветы заката истаяли (чему я был прилежный свидетель), раздался телефонный звонок. Нисколько не сомневаясь в том, что сейчас услышу голос Светланы, я придал своим ветшающим тембрам подчеркнутую сдержанность и светскую отстраненность.

Обратившись ко мне по имени-отчеству, она поинтересовалась, когда я смогу бы забрать предназначенный мне конверт.

– Сегодня вечером, – ответил я чарующим баритоном.

– Тогда приезжайте, – предложила она. – Я у вас в большом долгу.

– У вас прекрасная память.

– Я помню то, что мне приятно помнить; но то, что мне хотелось бы забыть, я никогда не забываю. Никогда.

– Я это запомню.

– Вот и прекрасно. Приезжайте.

Меня охватила радость совершенно особого свойства. Я радовался оттого, что еще способен радоваться, если вы меня понимаете. А если нет – и не надо. Всю жизнь я как-то обходился без чьего бы то ни было понимания и дотянул, как видите, до сорока девяти. А вот дальше...

Суета сует как способ жизнедеятельности меня не очень интересовал, все остальное выглядело несовременным. Тебе сорок три, почти сорок четыре (в апреле), а твое время ушло. Да и было ли оно когда-нибудь?

У меня появилось хобби: я старался радовать себя. Сначала я быстро втянулся в это нехитрое, как мне казалось, дело, но очень скоро выяснилось, что это не хобби, а смертельная игра. Радости в жизни мало. Понимаете? Нет?

Я обращаюсь к вам как к зеркалу, которое, по идее, должно отражать объект без особых искажений. Подойдите к зеркалу – и оно вас отразит. Худо или бедно – себя вы узнаете, верно ведь? А теперь представьте себе, что мне необходимо зеркало, которое адекватно отражало происходящие во мне процессы. Я не требую, чтобы мой космос понравился всем и не приглашаю туда в гости. Боже упаси: наследите, разведете бардак, как полагается. Но мой космос, если он существует, должен отражаться как реальный объект. Мне необходимо всего лишь зеркало. Нет зеркала – нет космоса. Понимаете? Это уже не каприз, а вопрос жизни и смерти, как

любят говорить тогда, когда речь идет именно о капризе. Не отбрасывать тени, не отражаться – значит, не существовать. А я существую, следовательно, должен радоваться жизни. И я цеплялся за радость из последних сил. Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.